

«ПОКОЙ В БЕЗМОЛВИИ»:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ГНОСТИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ

Мирошников Иван Юрьевич

студент, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
ivan.miroshnikov@gmail.com

ABSTRACT

The present article deals with the concept of the 'repose,' or the 'rest' in the Gnostic Gospels. Special attention is paid to the *Gospel of Thomas* and the *Gospel of Mary*. According to the first logion of the *Gospel of Thomas*, the 'repose' is considered to be the final stage of the spiritual work and the ultimate goal of human life. The Hermetic background of the notion is underlined and the significance of the logion for understanding of the *Gospel of Thomas* is emphasized. As for the *Gospel of Mary*, a peculiar myth of the heavenly journey of a soul is analyzed. According to this account, the 'repose' is nothing but a reward for the struggle with the evil archons. It is argued, that there is a close link between the myth expounded in the *Gospel of Mary* on the one hand and certain astrological ideas widespread in the period of Late Antiquity on the other hand. The Gnostic concept of the 'counterfeit spirit' is also under consideration.

Задачей настоящей работы не является систематическое изложение гностической антропологии (основными элементами которой, на наш взгляд, являются антропологический акосмизм, дуализм, элитаризм, деперсонализм и имманентизм). Мы остановимся лишь на одном, хотя и весьма важном, аспекте учения о человеке, выраженном в гностических евангелиях, – представлении о покое (*ἀνάπαυσις*) как конечной цели человеческого существования.

Два текста представляют для нас особый интерес: Евангелие от Марии и Евангелие от Фомы. Начнем с последнего. Первое изречение в коптском тексте Евангелия от Фомы гласит: «Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и, когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем»¹ (Н.-Х., II, 32, 15–19). Текстуально близкие высказывания мы встречаем и в других раннехристианских источниках. Климент Александрийский в «Строматах» цитирует сходный пассаж и приписывает его Евангелию от Евреев: «Тот, кто удивится, будет царствовать, и тот, кто восцарствовал, обретет покой» (Strom., II, 45, 5).

¹ Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. С. 250.

Позже он цитирует тот же отрывок более пространно, но уже не указывая источник: «Ищущий не остановится, пока не найдет, и тот, кто найдет, поразится, и тот, кто поразился, будет царствовать, и тот, что восцарствует, обретет покой»¹ (Strom., V, 96, 3).

В начале XX века в Оксириинхе были обнаружены фрагменты Евангелия от Фомы на греческом языке². В нем интересующее нас речение звучит следующим образом: «Пусть не перестанет ищущий искать, пока не] найдет, и, когда он найдет, [он удивится, и, уди]вьясь, он будет царствовать, и, [царствуя, упо]коится»³ (Pap. Oх., 654, 5–9). Как мы видим, копский и греческий тексты Евангелия не совпадают. По мнению М. Марковича⁴, переводчик-копт умышленно изменил мотив *покоя* как конечной цели на мотив *царствия*. Слово ἐπαυαπαῖσεται (упокоится) он, вероятно, прочел как ἐπάνω πάν<των> ἔσται («будет превыше всех»), держа в памяти слова из Евангелия от Иоанна (Ин 3: 31): ὁ ἄνωθεν ἐρχόμενος ἐπάνω πάντων ἐστί («приходящий с небес превыше всех»).

В другом тексте из библиотеки Хенобоскиона, озаглавленном «Свидетельство истины», покой также наступает как результат осуществившегося богопознания; что особенно важно для нас, покой в этом тексте связывается с молчанием: «А тот, кто нашел животворящее слово и тот, кто познал Отца истины, успокоился и перестал искать, обретя; когда же он нашел, он замолчал»⁵ (Н.-Х., IX, 69, 1–4).

Перейдем к анализу содержания фрагмента. Прежде всего отметим сходство между этапами на пути к спасению, перечисленными в изречении, и герметическому учению⁶. В *Corpus Hermeticum* говорится о *покое* (Corp. Herm., IX, 10; XIII, 20) как сотериологически окрашенной, окончательной и вожделенной цели и об *удивлении* (Corp. Herm., XIV, 4; IV, 2; ср. Ascl., 8) как ступени на пути к ней.

Интересующее нас высказывание-цепочка проливает свет и на другие логики из Евангелия от Фомы: «Если вас спрашивают: Каков знак вашего Отца,

¹ Перевод выполнен по изданию: Clemens Alexandrinus. Hrsg. von O. Stählin, U. Treu, L. Früchtel. Bd. 2. Berlin: Akademie-Verlag, 1985; Clemens Alexandrinus. Hrsg. von O. Stählin, U. Treu, L. Früchtel. Bd. 3. Berlin: Akademie-Verlag, 1970.

² Сопоставление греческого и коптского текстов Евангелия от Фомы см. в статье: Marcovich M. The Text of the Gospel of Thomas (Nag Hammadi II, 2) // *Marcovich M. Studies in Greek and Roman Religion*. Vol. 4: Studies in Graeco-Roman Religions and Gnosticism. Leiden: E. J. Brill, 1988. P. 55–79. Комментарий к интересующему нас фрагменту: *Klijn A.F.J. Jewish-Christian Gospel Tradition*. Leiden: E. J. Brill, 1992. P. 48–51.

³ Переводим в соответствии с конъектурами, предложенными М. Марковичем. См.: *Marcovich M. Op. cit.* P. 59.

⁴ *Ibid.* P. 60.

⁵ *Хосроев А.Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг-Хаммади* (II, 7; VI, 3; VII, 4; IX, 3). М.: Наука, 1991. С. 228.

⁶ *Strecker G., Vielhauer P. Jewish-Christian Gospels* // Hennecke E. *New Testament Apocrypha*. Ed. by W. Schneemelcher. Vol. 1: Gospels and Related Writings. Oxford: James Clarke & Co, 1991. P. 175.

который в вас? – скажите им: Это движение и покой»¹ (Н.-Х., II, 42, 5–7). Мы склонны согласиться с предположением М. Марковича², что под «движением» в коптском тексте подразумевается ζητεῖν καὶ εὑρεῖν («искать и найти»). При этом обретение покоя представляется составителю Евангелия единственной альтернативой гибели. «Спаستись» означает «упокоиться»: «Вы также ищите себе место в покое, дабы вы не стали трупом и вас не съели»³ (Н.-Х., II, 41, 20–23).

Следует отметить также то, что исследователи Евангелия называют «уже свершившейся эсхатологией»⁴. Эта идея выражена в следующем изречении: «Царствие Отца распространяется по земле, и люди не видят его»⁵ (Н.-Х., II, 51, 16–18). Следовательно, покой, который синонимичен Царствию, уже пришел (Н.-Х., II, 42, 7–12). Та же эсхатологическая доктрина представлена в Евангелии от Иоанна: с приходом Спасителя настало время Суда для мира сего (Ин 12: 31); Иисус говорит, что тот, кто слышит слово Его и верит Тому, Кто послал Его, не предстает перед Судом (εἰς κρίσιν οὐκ ἔρχεται), поскольку уже обрел вечную жизнь (Ин 5: 24; ср. 8: 51, 11: 25); тот, кто не верит, уже осужден (Ин 3: 18). Заметим, что с подобными взглядами полемизировал автор вошедшего в новозаветный канон второго Послания к Тимофею, где сказано, что некие Именей и Филит отступили от истины, говоря, что воскресение уже совершилось (2 Тим 2: 17–18).

Второй интересующий нас текст – Евангелие от Марии – сохранился на коптском языке, причем в весьма поврежденном виде. Он был написан во II веке по-гречески⁶; к сожалению, на греческом языке до нас дошел только один фрагмент Евангелия – папирус Риланда (Pap. Ryl., III, 463), также обнаруженный в Оксирихе.

В Евангелии от Марии мы находим описание восхождения души к небесному миру. На пути ей встречаются четыре власти: имя первой из них не сохранилось, имя второй – вожделение, третьей – невежество, четвертой – гнев. Как отмечает В. Тиль⁷, четыре власти в Евангелии от Марии можно сопоставить с четырьмя сущностями, которые, согласно Апокрифу Иоанна (BG, 55, 4–9) творят архонты, дабы захватить человека в плен: речь идет о (1) материи, (2) тьме, (3) вожделении и (4) противостоящем духе (ἀντικείμενον πνεῦμα). Последний играет крайне важную роль в гностической антропологии. В параллельном тексте Апокрифа из библиотеки Хенобоскиона (Н.-Х., II, 21, 6–9) ему соответствует

¹ Апокрифы древних христиан. С. 256.

² Marcovich M. The Text of the Gospel of Thomas. P. 60.

³ Апокрифы древних христиан. С. 257.

⁴ Hogeterp A. The Gospel of Thomas and the Historical Jesus: the Case of Eschatology // The Wisdom of Egypt: Jewish, Early Christian, and Gnostic Essays in Honour of Gerard P. Luttikhuisen. Leiden-Boston: E. J. Brill, 2005. P. 394.

⁵ Апокрифы древних христиан. С. 262.

⁶ The Nag Hammadi Library in English. Ed. by J. M. Robinson. New York: Harper & Row, 1990. P. 524.

⁷ Сочинения гностиков в Берлинском коптском папирусе 8502. Пер. с нем. и коптского, доп. примеч. и главы А.С. Четверухина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 101–102.

«подражающий дух» (*ἀντίμιμον πνεῦμα*), названный так, поскольку архонты творят его в подражание божественному Духу: «Они все пришли к решению сотворить подражающего духа, помня о Духе, который сошел вниз»¹ (BG, 74, 7–11). О пребывающих в неведении Христос говорит: «Подражающий дух возобладал над ними, когда они оступились, и таким образом он отягощает их душу, и влечет ее к делам зла, и приводит ее таким образом к забвению»² (BG, 68, 18–69, 5). Если *ἀντίμιμον πνεῦμα* полностью овладеет человеком, то последний обречен перевоплощаться до тех пор, пока не достигнет истинного знания (BG, 69, 5–13). «Подражающий дух, – заявляет Спаситель в «Пистис Софии», – склоняет душу и заставляет ее, чтобы она совершала все его беззакония, и все его страсти и все его грехи постоянно. И он пребывает, будучи придан душе и являясь ее врагом, заставляя ее совершать все эти дурные вещи и все эти грехи... Словом, он понуждает ее ко всем делам, которые приказали ему архонты. И он является врагом душе, заставляя ее делать то, что ей не угодно»³ (PS, 111). Миссией Спасителя, таким образом, было избавление души от печатей, с помощью которых архонты привязали к ней подражающий дух: «И архонты привязывают его к душе своими печатями и своими узами. И они запечатлевают его в ней, чтобы он принуждал ее во всякое время осуществлять все их страсти и беззакония постоянно, чтобы она служила им во всякое время, и чтобы она оставалась в их подчинении во всякое время в переменах тела. И они запечатлевают его в ней, чтобы заставить ее пребывать во всех грехах и во всех страстях мира. По этой самой причине Я принес Таинства в мир, эти, которые разрешают все узы подражающего духа и все печати, эти, которые привязаны к душе»⁴ (PS, 131). После того как душа покидает тело, *ἀντίμιμον πνεῦμα* следует за ней, «проводя ее по мукам за грехи, которые он заставил ее совершить»⁵ (PS, 111). Избавление от подражающего духа знаменует освобождение души и ее превращение в «великий светлый поток» (PS, 112). Напрашивается предположение, что данная мифологема является проекцией гностического дуализма на антропологическую плоскость. Внимание на это обратил, в частности, Ж. Доресс: «В самом деле, гностические мифы приводят к идее о том, что человек служит двум богам – доброму и злему – и имеет две души; одна из них – небесного происхождения, другая – материальная, вложенная в него демонами, чтобы побуждать ко греху»⁶.

По всей видимости, представление о противоборстве двух душ в одном человеке было довольно широко распространено в эпоху поздней античности. К примеру, *ἀντίμιμον πνεῦμα* гностиков сопоставим с концепцией «неразумной

¹ Премудрость Иисуса Христа: Апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками. Пер., вступ. ст., коммент. А.И. Еланской. СПб.: Алетейя, 2004. С. 300.

² Там же. С. 299.

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ *Doresse J. The Secret Books of the Egyptian Gnostics: An Introduction to the Gnostic Coptic Manuscripts Discovered at Chenoboskion. London: Hollis & Carter, 1960. P. 112.*

души» (ἄλογος ψυχή) Нумения из Апамеи¹. Ямвлих сообщает, что, согласно герметическим представлениям, человек имеет две души. Одна из них происходит от первого умопостигаемого и способна созерцать умопостигаемых богов. Другая дана нам круговращением небесных тел; из-за нее мы причастны судьбе, от которой нам следует освободиться (De myst., VIII, 6). Гностики, с которыми полемизировал Плотин, также учили о существовании «второй», смертной души (θνητή ψυχή), составленной из четырех элементов (Enn., II, 9, 5). Впоследствии учение о «двух душах» играло важную роль в манихейской антропологии. Августин писал, что манихеи, «заметив в человеке наличие двух желаний, заявили, что есть в нас две души (*mentium*) двух природ: одна добрая, другая злая»² (Conf., VIII, 10, 22).

Вернемся к сопоставлению Евангелия от Марии и Апокрифа Иоанна. В последнем четыре сущности, опутывающие человека (материя, тьма, вождление и подражающий дух), соотносятся с четырьмя материальными первоэлементами (землей, водой, огнем и воздухом). В Тилль полагает, что первой силе в Евангелии могла соответствовать материя; вождление присутствует в обоих текстах; тьма в Апокрифе соответствует невежеству, а именно – духовному невежеству; подражающий дух (постоянно подстрекающий людей ко греху) – гневу, поскольку он оказывает на людей столь же пагубное воздействие.

Примечательно, что гнев имеет семь обликов, которые носят название (1) тьма, (2) вождление, (3) невежество, (4) смертельная ревность, (5) царство плоти, (6) лукавство плоти, (7) яростная мудрость. Здесь также напрашивается аналогия с герметическим учением. Согласно трактату «Поймандр», душа человека, покинув тело, устремляется вверх через семь небесных сфер, при этом она «в первой оставляет способность увеличиваться и уменьшаться, во второй – возможность творить зло и обман, отныне бессильные, в третьей – иллюзорное вождление, отныне бессильное, в четвертой – проявление власти, лишившейся самонадеянности, в пятой – нечестивую дерзость и надменную наглость, в шестой – дурные дела богатства, отныне бессильного, и в седьмой – расставляющую сети ложь»³ (Corp. Herm., I, 25).

Таким образом, Евангелие от Марии отразило распространенные в эпоху поздней античности астрологические представления, согласно которым душа спускается на землю с небесной высоты, проходя через сферы семи планет⁴, и за

¹ См.: Мельников С.А. Философские воззрения Нумения Апамейского. М.: Современные тетради, 2003. С. 123–125. Исследователь отмечает, что учение среднего платоника Нумения о двух душах в точности соответствует учению гностиков Василида и Исидора о «приросшей душе» (προσφυής ψυχή) (Strom., II, 20).

² Августин А. Исповедь. Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. – М.: Канон+, 2003. – С. 140. См. также: Сидоров А.И. Манихейство в изображении Августина (De haeresibus, 40) // Вестник древней истории 2 (1983). С. 151–152.

³ Перевод Н.В. Шабурова; см.: Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV веков. М.: Республика, 1996. С. 23.

⁴ Ср. «семь сил семи небес Хаоса» в трактате «О происхождении мира» (Н.-Х., 101, 24–102, 7).

счет этого приобретает склонности и качества, присущие каждой из них. После смерти она возвращается тем же путем в свое обиталище. Чтобы перейти из одной сферы в другую, она должна пройти через дверь, охраняемую стражем, однако лишь души посвященных знают пароль, смягчающий его непреклонность. По мере движения душа как одежду сбрасывает с себя страсти и пороки, полученные при спуске, и, очистившись от всякого греха и чувственности, попадает на восьмое небо, чтобы там, в мире тонких существ, наслаждаться бесконечным блаженством¹.

Согласно другому распространенному представлению, каждая власть стремится удержать душу, а та, чтобы освободиться, должна произносить определенные формулы. Епифаний сохранил в своем «Панарионе» интересный отрывок из гностического Евангелия, которое так же, как и Евангелие из Хенобоскиона, приписывалось апостолу Филиппу: «Открыл мне Господь, что душе надлежит говорить при восхождении на небо, и как каждой из горних сил [надлежит] отвечать; [говорит она:] «познала я себя, и собрала я себя отовсюду, и не породила я детей Архонту, но искоренила я корни его, и собрала я рассеянные члены, и знаю я, кто ты. Ибо я – свыше». И так она освобождается. Если же выяснится, что [душа] родила сына, то она удерживается внизу, до тех пор, пока не сможет вернуть и вобрать в себя своих детей»² (Ран., 26, 13).

Сходным образом в Евангелии от Марии вождение спрашивает душу: «Я не увидела тебя нисходящей, но теперь вижу тебя восходящей. Почему же ты лжешь, принадлежа мне?», т. е., по ее мнению, душа пришла не из царства света, она – брэнное существо и должна пребывать в материальном мире, подвластном земным силам. Душа отвечает: «Я увидела тебя. Ты меня не увидела и меня не узнала. Я была для тебя как одеяние, и ты меня не узнала»³ (BG, 15, 2–8). Наконец, оставив стражей позади, освобожденная душа произносит: «Что хватает меня, убито; что опутывает меня, уничтожено; вождение мое пришло к концу, и незнание умерло»⁴ (BG, 16, 17–21). Отныне она навеки обретает «покой в безмолвии»⁵ (ἀνάπαυσις ἐ[ν] σιγῇ в греческом тексте⁶).

Следует отметить, что антропология в гностических евангелиях неразрывно связана с богословскими спекуляциями: молчание и покой суть главные черты подлинного божества. Согласно гностическому мифу, изложенному в

¹ Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве. СПб.: Евразия, 2002. С. 164–165.

² Перевод выполнен по изданию: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т. XLI. Paris, 1863. Подробнее об этом фрагменте см.: *Puech H.-Ch. Gnostic Gospels and Related Documents // Hennecke E. New Testament Apocrypha*. Ed. by W. Schneemelcher. Vol. 1: Gospels and Related Writings. London: Lutterworth Press, 1963. P. 273–275. Мифологема «собрания себя» представлена также в сохранившемся фрагменте из Евангелия Евы (Ран., 26, 3).

³ Апокрифы древних христиан. М.: Мысль, 1989. С. 326.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Напомним, что «молчание» связано с «покоем» и в процитированном выше «Свидетельстве истины».

⁶ См.: Сочинения гностиков в Берлинском коптском папирусе 8502. С. 98.

Апокрифе Иоанна, грехопадение Софии состояло в том, что она приступила к творению без участия своего мужского подобия, второго члена сизигии. Грех Софии состоял в односторонности, поскольку для гностика совершенно только диполое существо. Результатом ее злодейства было рождение Ялдаваофа и возникновение материального мира. Когда София видит ужасные последствия своего преступления, ее охватывает беспокойство: «Она увидела зло и отпадение, которое произошло у ее сына. Она покаялась и, мечась во тьме незнания, начала стыдиться и не осмеливалась возвратиться, но металась»¹ (BG, 45, 11–18). Напротив, истинное божество, согласно Апокрифу, неподвижно, оно пребывает в покое и молчании (BG, 26, 6–7). В другом гностическом сочинении Великий незримый дух назван «Отцом молчания» (Н.-Х., III, 40, 21). Напрашивается вывод, что обретение душой «покоя в молчании» тождественно слиянию с покоящимся божеством. Об этом единении с Отцом говорится, в частности, в «Книге Фомы Атлета»: «Ибо когда вы выйдете из мук и страданий тела, вы достигнете ваш покой через благо и восцарствуете с царем, став одно с ним. И он будет одно с вами отныне и во веки веков»² (Н.-Х., II, 145, 12–16).

Таким образом, в рассмотренных нами текстах покой выступает как возделенная и окончательная цель гностика. В Евангелии от Марии он представляет собой последний этап посмертного путешествия души; в Евангелии от Фомы он предстает как завершение мистического делания. В обоих случаях обретение покоя имплицитно предполагает слияние с божеством.

¹ Премудрость Иисуса Христа. С. 294.

² Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7). М.: Наука, 1979. С. 198.